

18+

ЭДУАРД ПОДВЕРБНЫЙ

ЦАРЬ-МОРОК

ЖЕЛЕЗНЫЙ ДУХ

Эдуард Подвербный
Пар-Морок. Железный дух

«Издательские решения»

Подвербный Э. А.

Пар-Морок. Железный дух / Э. А. Подвербный — «Издательские решения»,

Глухоморье меняется. На востоке строят железную дорогу. Но прогресс будит древние силы: рабочие слышат голоса, рельсы сами складываются в звёзды, а под землёй рождается нечто новое — дух из стали и пара. Глеб Северов, ставший вторым Хранителем, пытается навести мост между миром людей и миром духов. Но из Петербурга приходит комиссия, и его собственная реальность начинает трещать по швам. Кому верить — старому другу, новому союзнику или собственным глазам?

Содержание

Глава 1. Новая Еловка	6
Глава 2. Наука Хранителя	15
Глава 3. Комиссия	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Пар-Морок. Железный дух

Эдуард Анатольевич Подвербный

© Эдуард Анатольевич Подвербный, 2026

ISBN 978-5-0071-2741-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Новая Еловка

(Еловка, 14 октября 1908 года, Покров)

Стояла глубокая осень. Леса уже облетели и стояли голые, чёрные на фоне низкого неба. Болота затянуло первым ледком, а по утрам на траве лежал иней. Воздух пах прелой листвой, дымом из печных труб и близким снегом.

Еловка изменилась.

Глеб стоял на крыльце гостиницы, курил и смотрел на Базарную площадь, которую теперь было не узнать. Руины Приказа разобрали до последнего кирпича, и на их месте уже поднимались стены нового здания — двухэтажного, просторного, с большими окнами и даже застеклённой верандой. Жихарев лично руководил стройкой: он носился по лесам, как одержимый, покрикивал на рабочих, сверялся с чертежами и, кажется, впервые за много лет выглядел почти счастливым.

— Господин Северов!

Глеб обернулся. К нему, размахивая конвертом, бежал молодой солдат с едва заметным шрамом над левой бровью — тот самый, что месяц назад, в ночь после Совета, спросил его: «А правда, что вы с духами говорите?» Глеб помнил его. Звали солдата Егором, был он родом из-под Вологды и за последний месяц превратился из перепуганного мальчишки в толкового ординарца. Жихарев приставил его к Глебу — «для связи», как он выразился, а на самом деле — чтобы парень набирался ума-разума у старшего следователя.

— Телеграмма из Петербурга, Егор? — спросил Глеб.

— Так точно, господин Северов! Только что Михеич со станции принёс!

При упоминании Михеича Глеб едва заметно улыбнулся. Старый станционный смотритель, который встретил их с Верой в первый день, так и остался на своём посту. Он пережил нападение Морока, пережил пожар, пережил всё — и теперь, казалось, был единственным человеком в Еловке, которого вообще ничем нельзя было удивить. Каждое утро он встречал поезд, а каждый вечер провожал, и между этими двумя событиями пил чай с баранками и рассказывал приезжим, как тут у них «один раз чуть конец света не случился, но господин Северов разобрался».

Глеб взял конверт. Герб Тайного Приказа, сургучная печать, гриф «Совершенно секретно». Он вскрыл его и пробежал глазами.

— Что там? — спросила Вера, появляясь на крыльце с двумя кружками чая. Она была в тёплом платке, накинутом поверх пальто — с утра заметно похолодало.

— Комиссия едет, — ответил Глеб. — Из Петербурга. Инспектор Третьяков. Приказом предписывается оказывать ему полное содействие.

— Третьяков? — Вера нахмурилась. — Я слышала эту фамилию. Кажется, он работал по делам, связанным с духами на Урале. Жёсткий человек. Прагматик.

— Тем лучше. Прагматикам проще объяснить, что здесь происходит. По крайней мере, он не будет падать в обморок при виде Домового.

— А он увидит Домового?

— Если Тарас соизволит показаться.

Тарас соизволил.

В этот самый момент из-под крыльца донёсся шорох, и на свет выбрался Домовой собственной персоной. Он был всё так же мал ростом, всё так же лохмат, и в бороде его по-прежнему запутались крошки хлеба. Но теперь он был при деле: в одной руке держал маленький молоточек, в другой — гвоздь.

— Северов! — пропищал он, не тратя времени на приветствия. — Ты чего расселся? У меня там балка отошла, а этот твой Жихарев говорит: «Сам чини». А я ему кто? Плотник? Я — Домовой! Моё дело — за порядком следить, а не гвозди заколачивать!

— Доброе утро, Тарас, — произнёс Глеб, не сдержав улыбки.

— Какое там доброе! — фыркнул Домовой. — Мыши опять расплодились, на чердаке шумят, спать не дают. А эта ваша стройка... — он махнул молоточком в сторону нового здания Приказа, — она мне весь фундамент перекосила! Я триста лет под этим домом жил, а теперь мне что — переезжать?

— Переезжать не придётся, — сказала Вера, присаживаясь на корточки. — Новое здание строят с учётом твоих пожеланий. Жихарев лично распорядился оставить нишу в подвале. С печкой. И с кладовкой для мышей.

Тарас подозрительно прищурился.

— С печкой, говоришь?

— С печкой.

— И с кладовкой?

— И с кладовкой.

— Ну, тогда ладно, — проворчал он и, сунув молоточек за пояс, с достоинством удалился обратно под крыльцо. Но у самого входа задержался и, не оборачиваясь, добавил: — А комиссару этому вашему, Третьякову, передай: пусть в мой подвал не суеться. Там моя территория. Ясно?

— Ясно, — ответил Глеб.

Тарас исчез. Вера поднялась и отряхнула платок.

— Еловка становится другой, — сказала она.

— И люди, и духи, — Глеб посмотрел на север, туда, где за лесами, в усадьбе Серебряные Ключи, стояла Чёрная Баня. Он чувствовал её — не как холод, не как звон, а как постоянное, ровное тепло в груди. Зов Порога. Месяц назад он пугал его. Теперь стал привычным. Как сердцебиение. Как дыхание.

Банник ждал его. Не сегодня, но скоро. Глеб знал: нужно будет вернуться. Подменить старого друга на Пороге. Выслушать от него очередной урок. Взять очередную крупицу мудрости, которой Банник делился с ним — скупой, как углями из печи, но всегда по делу.

«Новые духи, — сказал ему Банник в прошлый раз, сидя у печи и глядя на камни. — Они приходят не из Нави. Они приходят от людей. От их труда. От их веры. От их страха. Ты почувствуешь, когда они появятся. Они будут другие. Они не знают Пакта. Они даже не знают, что они — духи».

И теперь, глядя на восток, Глеб чувствовал: что-то появляется. Что-то новое. Что-то, чему ещё не было названия.

— Я хочу поехать туда, — сказал он. — К изыскателям. Посмотреть, что они делают. Почувствовать.

— Вы думаете, это как-то связано с духами?

— Не знаю. Но когда в землю вбивают железные сваи, это не может не тревожить тех, кто живёт под землёй. И над землёй. И между.

Вера допила чай и поднялась.

— Я с вами.

— Вы уверены? Там грязь, комары и инженеры, которые не верят в духов.

— Значит, самое время их просветить, — она улыбнулась. — Кроме того, у меня новый блокнот. Старый почти исписался.

Глеб посмотрел на неё — и впервые за сегодня улыбнулся в ответ.

— Тогда собирайтесь. Мы выезжаем через час.

Дорога на восток вела сквозь лес — но не тот лес, что был месяц назад. Тогда он был живым, диким, древним. Теперь же он был рассечён надвое, как зверь, которому вскрыли грудь. Просека, прорубленная изыскателями, тянулась на две версты — прямая, как стрела. Вдоль неё стояли вешки с красными флажками. Пни белели свежими срезами.

Рабочих было много — не меньше полусотни. Они валили лес, корчевали пни, отсыпали насыпь. Их голоса разносились далеко по просеке, и в этих голосах не было страха. Только усталость, мат и смех.

— Они не знают, — тихо сказала Вера.

— Не знают, — согласился Глеб. — И не хотят знать. Для них этот лес — просто препятствие. Деревья, которые нужно убрать. Земля, которую нужно выровнять. Они приехали сюда строить дорогу.

— А духи?

— А духи... — Глеб осёкся.

Что-то было не так. Он почувствовал это внезапно — но не так, как обычно. Его дар «Зеркала» молчал. Не было ни холода в пальцах, ни звона в ушах. Но воздух вокруг будто звенел — тонко, металлически, как натянутая проволока. Этот звон шёл не от леса. Он шёл от земли. От рельсов, сложенных штабелями. От инструментов, брошенных рабочими. От самой насыпи.

Глеб сравнил это ощущение с тем, что чувствовал на севере — постоянное, ровное тепло Порога, голос Банника. Здесь было иначе. Холоднее. Острее. И этот новый звон не звал — он предупреждал.

— Что с вами? — спросила Вера.

— Пока не знаю, — ответил Глеб. — Но здесь что-то есть. Что-то новое.

Он спешился, передал поводья Вере и медленно пошёл вдоль просеки. Звон усиливался. Теперь он был похож не на проволоку, а на гул. Низкий, вибрирующий, почти неслышимый ухом, но ощутимый всем телом. Так гудит паровоз, когда стоит под парами и ждёт отправления.

Глеб остановился у груды щебня и присел. Камни были тёплыми, хотя солнце ещё не поднялось высоко. Он поднёс к ним ладонь — и отёрнул. Камни дрожали. Мелко, часто, как будто под ними что-то жило.

— Ты здесь, — произнёс он негромко. — Я знаю. Я чувствую тебя. Покажись.

Никто не ответил. Только гул стал чуть тише, словно тот, кто его издавал, затаил дыхание и стал слушать.

Глеб выпрямился и прошёл дальше — туда, где у ручья горел костёр и сидели люди. Глеб насчитал восьмерых — все в рабочих робах, промасленных до блеска, с мозолистыми руками и обветренными лицами. Они ели кашу из общего котла, заедали хлебом и запивали крепким чаем из жестяных кружек. Пахло дымом, машинным маслом и потом — запахом тяжёлой работы, который не спутаешь ни с чем.

— Эй, уважаемые! — раздался голос за спиной. — Вы кто такие будете? Здесь посторонним находиться запрещено.

Глеб обернулся. К нему шёл коренастый мужик лет пятидесяти, в засаленной кепке и с трубкой в зубах. На поясе у него висел рупор, а в руке была зажата потрёпанная папка с чертежами. Вид у мужика был начальственный, но не злой — скорее, озабоченный. Так выглядит человек, который отвечает за дело и не любит, когда что-то идёт не по плану.

— Старший следователь Тайного Приказа Глеб Северов, — Глеб предъявил удостоверение. — Со мной этнограф Вера Залесская. Мы не посторонние. Мы по делу.

Мужик взял удостоверение, повертел в руках, подслеповато сощурился. Потом вернул.

— Прохор Савельевич я, — сказал он. — Прораб. Начальник этого участка. А что это за Тайный Приказ такой? Я про полицию слышал, про жандармов слышал. А про Приказ — не доводилось.

— Мы занимаемся вопросами, которые не входят в компетенцию полиции, — ответил Глеб. — В основном — духи.

— Духи? — Прохор Савельевич хмыкнул и выбил трубку о каблук. — Ну-ну. И чем же мы вам не угодили? Мы ж тут не шаманим вроде, не колдуем. Мы дорогу строим. Железную. Цивилизация, можно сказать.

— Вот именно, — подошла Вера. — Цивилизация. Вы рубите просеку через лес, который стоит здесь тысячу лет. Вы вбиваете сваи в землю, в которой живут те, кого вы не видите. Вы уверены, что они вам не ответят?

Прохор Савельевич посмотрел на неё с любопытством.

— А вы, барышня, стало быть, тоже из этих? Из духоведов?

— Этнограф, — поправила Вера. — Я изучаю народные верования. И поверьте, Прохор Савельевич, народ верит в духов не на пустом месте.

— Да верьте вы во что хотите, — прораб махнул рукой. — У меня план. У меня сроки. У меня инженер из Петербурга каждый день телеграммы шлёт — когда, мол, когда. А про духов он меня не спрашивает. У нас с ним разговор короткий: рельсы, шпалы, насыпь. Вот это я понимаю. Это — дело.

Глеб и Вера переглянулись.

— Мы не будем вам мешать, — сказал Глеб. — Мы просто осмотримся. Зададим несколько вопросов.

— Вопросы — это можно, — Прохор Савельевич кивнул. — Только чур, рабочих не пугать. У меня народ простой, суеверный. Ещё решат, что в лесу нечисть завелась, и разбегутся.

— А она завелась? — тихо спросила Вера.

Прохор Савельевич помолчал. Потом сунул трубку в рот, раскурил и выпустил облако дыма.

— Я вам так скажу, — произнёс он, понизив голос. — Место здесь... странное. Не плохое. Не хорошее. Странное. Инструменты иногда сами двигаются. То молоток не там лежит, где положили. То рельс на дюйм сдвинут, хотя никто не трогал и клали ровно. Рабочие грешат друг на друга. А я думаю — может, и не они. Может, кто-то третий балует.

— Вы видели что-нибудь? — спросил Глеб.

— Нет, — прораб покачал головой. — Не видел. Но чувствовал. Иногда по ночам, когда тихо, слышу гул. Низкий такой, вибрирующий. Будто паровоз где-то далеко идёт, а рельсов-то ещё нет. Я списывал на ветер. На воду. На что угодно. Но теперь, когда вы приехали, — он посмотрел на Глеба, — думаю, может, и не ветер.

Глеб кивнул.

— Я хочу осмотреть просеку. Можно?

— Осматривайте. Только под ноги смотрите. Там, у дальнего конца, котлован роют — глубокий, сажени две. Свалитесь — мне потом отвечать.

Глеб и Вера пошли вдоль просеки. Котлован действительно был глубоким — рабочие уже начали укладывать в него первые ряды каменной кладки. Здесь запах масла и пота стал ещё гуще, а звон — громче. Теперь он был похож не на проволоку, а на натянутую струну. Глеб остановился у края и заглянул вниз. На дне котлована, среди грязи и щебня, что-то блестело. Он прищурился. Это была не вода. Это была металлическая стружка. Много стружки.словно кто-то точил здесь ножи.

Рядом с котлованом, на куче вынутой земли, тоже лежала стружка — видимо, рабочие выбросили её вместе с грунтом, даже не обратив внимания. Вера присела на корточки и подняла горсть с края насыпи. Стружка была тёплой — не от солнца, а от того же странного внутреннего жара, что исходил от камней. Она мелко дрожала, словно через неё пропускали ток.

— Глеб, — тихо позвала она.

Он подошёл. Вера протянула ему стружку.

— Это не просто металл. Это... что-то другое. Я не знаю, как объяснить. Но это что-то живое.

Глеб взял стружку. Его дар «Зеркала» по-прежнему молчал, но сейчас он чувствовал: здесь что-то не так. Скорее, не дух в привычном понимании. Не тварь Нави. Не Морок. Что-то другое. Что-то, что рождалось прямо сейчас — в этой земле, под этими рельсами.

— Мы возвращаемся в Еловку, — сказал он. — Мне нужно поговорить с Банником.

— Вы думаете, он знает, что это?

— Если не знает — догадается. Он старше всех, кого я встречал. И он уже видел рождение духов.

Они повернули обратно. Прохор Савельевич проводил их до лошадей.

— Ну что, нашли вашего духа? — спросил он с усмешкой, но усмешка вышла натянутой.

— Пока нет, — ответил Глеб. — Но если найдём — вы узнаете об этом первым.

— Уж будьте добры, — прораб кивнул. — А то у меня план, сроки. А тут — духи. Непорядок. Они нам тут не нужны.

Глеб вскочил в седло, и они с Верой поехали обратно. Солнце клонилось к закату, и просека, ещё недавно залитая светом, теперь тонула в густых тенях. Глеб чувствовал, как звон за спиной становится всё тише, но не исчезает. Теперь он будет слышать его всегда — как слышал зов Порога на севере.

Два зова. Старый и новый. И оба требовали ответа.

Они вернулись в Еловку затемно. Жихарев уже закончил обход стройки и сидел в гостинице, листая какие-то бумаги при свете керосиновой лампы. Увидев Глеба и Веру, он отложил бумаги и поднялся.

— Ну что? Нашли что-нибудь?

— Нашли, — ответил Глеб. — Металлическую стружку. Тёплую. Дрожащую. Ещё сказали про гул. Вроде паровоза, которого ещё нет.

Жихарев нахмурился.

— И что это значит?

— Пока не знаю. Завтра поеду к Баннику. Может быть, он что-то знает.

— А комиссия? Третьяков приезжает послезавтра.

— Значит, поеду сегодня, — Глеб повернулся к двери. — Не ждите к ужину.

Вера шагнула было за ним, но остановилась. Она знала: в Чёрную Баню он должен идти один. Таков был уговор.

— Возвращайтесь скорее, — сказала она.

— Обязательно, — ответил Глеб и выдвинулся в путь.

Чёрная Баня встретила его знакомым запахом — берёзовых веников, дыма и древности. Из трубы поднимался пар, и в лунном свете он казался серебристым. Дверь, как всегда, открылась сама.

Банник сидел у печи и смотрел на камни. При виде Глеба он не встал — только кивнул.

— Ты пришёл раньше, чем я ждал.

— У меня новость. Появилось кое-что новое, — Глеб сел на лавку напротив. — На востоке. Там, где строят железную дорогу. Я чувствую что-то. Не духа, но что-то похожее.

Банник помолчал. Потом поднял руку и пошевелил камни в печи. Они вспыхнули ярче.

— Расскажи мне всё, — произнёс он.

И Глеб рассказал. Про звон. Про гул. Про металлическую стружку, которая дрожит, как живая.

Банник выслушал, не перебивая. Потом поднялся и подошёл к стене, на которой были вырезаны угловатые знаки Нави. Он провёл по ним пальцами-кочергами, и казалось, что-то вспоминал.

— Я знаю, что это, — произнёс он наконец. — Это, наверное, Железный дух. Дух нового времени. Они появляются там, где люди строят что-то большое. Паровозы. Заводы. Они рождаются из труда, из пота, из стали и пара. Они не злые и не добрые. Они просто... есть. Как ты. Как я. Как все мы.

— Но он опасен? Или беспокоиться не стоит?

— Всякий дух опасен, если его не понимать. Ты — Хранитель. Ты должен пойти к нему. Поговорить. Узнать, чего он хочет. И если он захочет войны — ты должен будешь его остановить.

— А если он захочет мира?

— Тогда, — Банник повернулся к Глебу, и в его глазах-поддувалах мелькнуло что-то похожее на улыбку, — тогда у нас появится новый союзник.

Глеб помолчал, глядя на камни в печи. Потом спросил:

— А как же Леший? Там рубят лес. Его лес. Он не мог не среагировать на это.

— Среагировал, да еще и как, — Банник кивнул. — Не только он. Вся лесная нечисть встревожена. Кикиморы ушли глубже в чащу. Овинник жалуется, что рабочие пугают его огнями. Даже Полудница, а она далеко от тех мест, говорит, что слышит раздражающий звон в полдень. Лес не молчит, Северов. Он кричит. Просто люди его не слышат.

— Так, а что Леший? Он что-то будет делать?

Банник снова повернулся к стене со знаками. Его палыцы-кочерги провели по одному из символов — старому, почти стертому.

— Леший не воин, — произнес он. — Он — хранитель. Как и я. Его способ охранять — не сражаться. Растить. Он не пойдет войной на людей с топорами. Он скорее попытается вырастить новый лес там, где старый вырублен. Но на это нужно время. А времени у него мало.

— Я должен с ним поговорить.

— Должен, — согласился Банник. — Но будь осторожен. Леший ранен. Та битва с Мором дала ему тяжело. Он восстанавливается, но медленно. И если он увидит в тебе угрозу — он может не узнать союзника. Он может увидеть врага.

— Я не враг ему.

— Ты — человек. А люди рубят его лес. Ему трудно сейчас различать, кто есть кто.

Глеб кивнул. Он понимал. Понимал, что теперь у него не один долг, а несколько. Порог. Вера. Еловка. Железный дух. А теперь еще и Леший, чей лес умирает под топорами.

— Я съезжу к нему завтра, — сказал он. — Если получится.

— Получится, — ответил Банник. — У тебя всегда получается. Ты же легендарное Зеркало теперь. А лес... лесу нужно, чтобы его кто-то услышал. Может быть, это будешь ты.

Глеб вернулся в Еловку глубокой ночью, почти под утро. Гостиница спала, только в окне второго этажа, где была комната Веры, ещё горел свет. Он не стал заходить — знал, что она ждёт, но разговор можно отложить до утра. Ей нужно поспать. Ему, впрочем, тоже. Он поднялся в свой номер, снял сапоги, лёг на кровать и закрыл глаза. Сон пришёл быстро — глубокий, без сновидений. За последний месяц он научился засыпать сразу. Раньше он этого не умел.

Утро 15 октября началось с криков.

Глеб проснулся от того, что под окнами кто-то орал. Не испуганно, а скорее возбуждённо. Он накинул плащ и вышел на крыльцо. По Базарной площади бежал Егор, размахивая руками.

— Господин Северов! Там! Там это!

— Что «это»? — спросил Глеб, протирая глаза.

— Рельсы! Они... они сдвинулись! Сами! Ночью! Прохор Савельевич прислал сказать: вы были правы!

Глеб переглянулся с Верой, которая уже спускалась по лестнице, застёгивая пальто.

— Значит, всё серьёзнее, чем мы думали.

— Завтракать будем? — спросила она.

— По дороге.

Через полчаса они уже были на просеке. Прохор Савельевич стоял у дальнего конца, над тем самым котлованом, и курил трубку с такой яростью, что дым валил, как из паровозной трубы. Рядом толпились рабочие. Они не работали — просто стояли и смотрели вниз.

— Ну, господин следователь, — произнёс прораб, увидев Глеба, — полюбуйтесь.

Глеб подошёл к краю котлована и заглянул. То, что он увидел, заставило его замереть. Рельсы, которые вчера лежали штабелями у насыпи, теперь были уложены на дне котлована. Не просто свалены — уложены. Ровно, параллельно друг другу, как будто кто-то начал мостить дорогу. Но не сверху, а под землёй. И вокруг них, на камнях, блестела свежая металлическая стружка.

— Они это сами, — тихо сказал один из рабочих. — Мы всю ночь не спали, сторожили. Никто не подходил. А утром глядим — вот.

— Может, это Домовой балует? — предположил другой.

— Домовые рельсы не таскают, — ответил Глеб. — Это кто-то другой.

Прохор Савельевич вынул трубку из рта.

— И что прикажете делать? У меня через неделю срок сдачи участка. А тут рельсы под землю уходят.

— Продолжайте работать, — сказал Глеб. — Я разберусь.

— Вы уж разберитесь, — прораб вздохнул. — А то ведь уволюсь к чертям собачьим. Ну её, эту цивилизацию. Работать невозможно!

Вера присела у края котлована и достала блокнот. Она делала зарисовки — быстро, уверенно, как всегда. Глеб смотрел на неё и думал о том, что она изменилась за этот месяц. Стала спокойнее. Собраннее. Научилась не бояться. Или научилась скрывать страх — что, в сущности, одно и то же.

— Вы что-то заподозрили? — спросил он.

— Рельсы уложены не просто так, — ответила она, не отрываясь от блокнота. — Это звезда. Шестиконечная. Как будто кто-то... или что-то... пыталось что-то изобразить. Или призвать.

— Что призвать?

— Не знаю. Но посмотрите сами: укладка слишком сложная для простого баловства. Здесь есть расчёт. Геометрия. Так строят те, кто знает древние символы.

Глеб снова посмотрел на рельсы. Звезда. Символ, который встречается повсюду — в древних капищах, на камнях, в узорах Нави. Но здесь она была сделана из стали. Из нового металла. Из нового времени.

— Я поеду к Лешему, — сказал он. — Сегодня. Сейчас.

— Я с вами.

— Нет. На этот раз — нет. Леший ранен. Он может быть опасен. Если он увидит во мне угрозу... — Глеб помолчал. — В общем, я должен идти один.

Вера хотела возразить, но передумала. Она научилась понимать, когда спорить бесполезно.

— Только возвращайтесь, — сказала она. — Я пока поговорю с рабочими. Может быть, они видели что-то ещё.

Глеб кивнул и пошёл к лошади.

Где-то там, среди древних елей, раненый дух леса пытался вырастить новый лес из пепла. Чёрный Бор встретил Глеба тишиной.

Он ехал знакомой дорогой — той самой, по которой месяц назад они с Верой и Жихаревым пробирались к Сердцу-Камню. Тогда лес был враждебным: корни цеплялись за сапоги, ветви хлестали по лицу, тишина давила на уши. Теперь всё было иначе. Лес молчал не от злобы — от усталости. Деревья стояли голые, чёрные, и Глеб видел на многих стволах следы той

битвы — выжженные полосы, расщеплённые ветви, глубокие трещины в коре. Лес восстанавливался, но медленно.

Он нашёл Лешего у того самого ручья, где месяц назад они вышли к поляне с Сердцем-Камнем. Ручей обмелел, но всё ещё журчал — тихо, едва слышно. Леший сидел на поваленном дереве, скрестив ноги. Его плащ из листьев и коры потускнел, а трещина на груди, которую Глеб помнил по битве с Мороком, всё ещё светилась — теперь слабо, как уголёк, подёрнутый пеплом. Рядом с ним, прямо из мёрзлой земли, пробивались ростки. Маленькие, хрупкие, но живые. Он растил новый лес.

— Я ждал тебя, — произнёс Леший, не открывая глаз. — Ты пришёл раньше, чем я ожидал.

— Ты знал, что я приду?

— Я слышал твой разговор с Банником. Лес слышит всё, что говорится у Порога. И не только.

Глеб присел на соседнее дерево. Некоторое время они молчали и смотрели на воду. Красивый вид. Потом Леший заговорил — тихо, как шелест ветра в кронах.

— Ты хочешь спросить о тех, кто рубит мой лес. О людях с железом. О духе, который рождается в их машинах.

— Да. Банник сказал — ты можешь знать.

— Знаю. Я чувствую их каждый день. Каждое дерево, которое падает. Каждый корень, который умирает. Каждую сваю, которую вбивают в землю. Это как... как будто мне отрубают пальцы. Один за другим. И втыкают в меня ножи.

— Ты можешь их остановить?

— Могу. Мог бы. Но не стану. Это не их вина. Они не враги. Они просто люди. Они строят дорогу. Они не знают, что делают больно.

Глеб молчал. Он думал о том, как это похоже на слова Банника. Древние духи не мстят. Они терпят. Они ждут. Они надеются, что люди когда-нибудь вспомнят про них. Или кто-то им напомнит.

— Железный дух, — сказал он. — Ты знаешь, кто это?

— Новый. Молодой. Он ещё не понимает, что он — дух. Он думает, что он — просто гул. Просто вибрация. Он ещё маловат. Но он растёт. И когда он вырастет — он станет сильным. Возможно, сильнее меня. Возможно, сильнее Банника.

— Он опасен?

— Всякий дух опасен, если его не понимать. Ты — Хранитель. Это твоё дело — понимать.

— Банник сказал то же самое.

— Банник очень мудр. Он видел рождение богов и смерть богов. И он выбрал тебя. Значит, ты со всем справишься.

Леший открыл глаза. Зелёные, глубокие, как сама чаща. Он посмотрел на Глеба — не враждебно, но и не дружески. Скорее — изучающе.

— Ты изменился, Зеркало. Ты больше не боишься.

— Боюсь. Но уже меньше.

— Это хорошо. Страх — это корень. Но не весь. Есть ещё надежда. Есть ещё вера. Есть ещё ты.

— Я хочу, чтобы духи и люди жили в мире. Чтобы железная дорога не стала причиной войны.

Леший долго молчал. Потом наклонился, взял горсть земли и протянул Глебу. Земля была тёплой и пахла жизнью.

— Отвези это тем, кто строит дорогу. Скажи: лес не враг. Лес — сосед. Если они будут уважать его — он будет уважать их. Если они будут про него помнить — он будет помнить про них. А если они забудут... — он не договорил. Но Глеб понял.

— Я передам, — сказал он, принимая горсть земли. — Спасибо.

— Не благодари, — Леший снова закрыл глаза. — Это не помощь. Это просто расчёт. Мне нужен лес. Им нужна дорога. Может быть, мы сможем договориться. А теперь иди. У тебя ещё много дел.

Глеб кивнул, поднялся и пошёл к лошади. У кромки леса он обернулся. Леший сидел на поваленном дереве, и вокруг него, прямо из мёрзлой земли, пробивались новые ростки. Маленькие. Хрупкие. Живые.

Глава 2. Наука Хранителя

(Еловка, 15 октября 1908 года, вечер)

Глеб вернулся в Еловку к вечеру. Солнце уже клонилось к закату, и длинные тени от домов пересекали Базарную площадь. Он отдал лошадь Егору, который ждал его у гостиницы с таким видом, будто разгружал вагоны весь день.

— Ну что, господин Северов? Как скатались?

— Леший жив, — коротко ответил Глеб. — И передал вот это.

Он достал из кармана горсть земли — той самой, что дал ему Леший. Земля всё ещё была тёплой, хотя прошло уже несколько часов. Егор уставился на неё с благоговейным ужасом.

— Это... это от самого Лешего?

— От него самого. Отнеси Прохору Савельевичу. Скажи: лес не враг. Лес — сосед. Пусть рабочие знают.

Егор осторожно принял горсть земли, словно это была не почва, а святыня, и убежал. Глеб проводил его взглядом и вошёл в гостиницу.

Вера сидела в общем зале с бумагами. Перед ней были разложены карты Глухоморья, исписанные листы блокнота и несколько книг, взятых из архива Приказа. Увидев Глеба, она отложила перо и поднялась.

— Вы вернулись. Как Леший?

— Восстанавливается. Растит новый лес. Просил передать рабочим, что он не враг.

— И вы передали?

— Передал. Теперь дело за ними.

Вера кивнула и снова села. Глеб заметил, что она выглядит уставшей — под глазами залегли тени, волосы выбились из пучка. Она работала весь день, пока он ездил к Лешему.

— Что вы нашли? — спросил он, садясь напротив.

— Кое-что интересное, — Вера придвинула к нему один из листов. — Я поговорила с рабочими, как вы просили. Они рассказали странные вещи. Не только про рельсы и стружку. Некоторые из них слышали голоса.

— Голоса? Какие?

— Разные. Один говорил, что слышал женский плач в лесу. Другой — что кто-то звал его по имени. Третий — что по ночам ему снятся сны про огромный паровоз, который едет без рельсов, прямо по лесу. И этот паровоз... живой. Он говорит с ними.

— Это не Железный дух, — Глеб нахмурился. — Железный дух, как сказал Леший, ещё слишком молод. Он не умеет говорить, не умеет насылать сны.

— Я так и думала, — Вера постучала пальцем по карте. — Я думаю, что в лесу есть кто-то ещё. Не Леший. Не духи, которых мы знаем. Что-то другое.

— Морок?

— Нет. Морок изгнан. Если бы он вернулся, вы бы почувствовали.

Глеб задумался. Она была права. Если бы Морок вернулся, его дар «Зеркала» поднял бы тревогу. Но он молчал. То, что происходило в лесу, было чем-то иным. Чем-то, с чем он ещё не сталкивался.

— Я скатаюсь ещё раз к Баннику, — сказал он. — Сегодня же. Он говорил, что хочет меня кое-чему научить. Кажется, время пришло.

— Я с вами.

— Вера...

— Я не буду входить в баню, — она подняла руку, останавливая его возражения. — Я подожду снаружи, у пруда. Но я хочу быть рядом. Хватит с меня сидения в гостинице и ожидания.

Глеб посмотрел на неё, потом кивнул.

— Хорошо. Выезжаем немедленно. К утру нужно вернуться — завтра приезжает комиссия.

Через полчаса они уже ехали по знакомой дороге на север. Ночь опускалась на Глухоморье быстро: небо затянуло тучами, и звёзд не было видно. Только луна иногда выглядывала из-за облаков, освещая путь серебристым светом.

Когда они подъехали к усадьбе, Вера спешила у пруда, как и обещала. Глеб пошёл к бане один. Дверь открылась, и он вошёл внутрь.

Банник ждал его. Он сидел у печи, как всегда, и смотрел на камни. Но сегодня в его позе было что-то другое: не усталость, не терпение, скорее — готовность. Как у учителя, который знает, что урок будет долгим.

— Ты снова пришёл, — произнёс он. — Что на этот раз?

— Появилось кое-что новое, — Глеб сел на лавку. — В лесу, у просеки, рабочие слышат голоса, видят сны. Это не Железный дух — он же ещё дитя. Это что-то другое.

— Расскажи подробнее.

Глеб рассказал: про женский плач, про зов по имени, про сны о паровозе. Банник слушал молча, не перебивая. Потом поднялся и подошёл к стене со знаками Нави.

— Есть вещи, которым я ещё не учил тебя, — произнёс он. — Я ждал подходящего времени. Кажется, оно пришло.

— О чём ты?

— О духах. О том, какие они бывают. Ты уже знаешь старых духов: Леший, Водяной, Полудница, домовые, овинники. Ты знаешь меня. Ты знаешь Морока — он не дух, он тьма, но и он часть этого мира. Но есть и другие.

— Какие?

— Новые духи, — Банник провёл пальцами по знакам. — Они рождаются не из земли, не из воды, не из леса. Они рождаются из людей. Из их труда. Из их веры. Из их страха. Из их надежды. Каждый раз, когда человек создаёт что-то большое — паровоз, завод, телеграф, — он вкладывает в это часть себя. И эта часть оживает. Она становится духом.

— Железный дух — один из них?

— Да. Но не только он. Есть и другие. Например, духи дорог. Духи станций. Духи поездов. Ты слышал о них?

— Нет.

— Потому что они ещё не родились. Или родились, но не проявили себя. Но когда дорога будет построена, когда по ней пойдут поезда, когда люди начнут верить в неё, бояться её, надеяться на неё, — тогда они появятся. И это будет новая эпоха. Эпоха, в которой старые духи должны будут либо ужиться с новыми, либо уйти.

Глеб молчал. Он думал о том, что сказал Леший. О том, что сказала Вера. О том, что он сам чувствовал у просеки.

— А голоса в лесу? — спросил он. — Это кто?

— Не знаю, — признался Банник. — Это может быть кто-то из старых духов, которого разбудили стройкой. Или кто-то из новых, ещё не оформившийся. Или... — он помолчал, — или кто-то, кто не относится ни к тем, ни к другим.

— Кто?

— Есть духи, которые не рождаются — они пробуждаются. Они спали под землёй, под водой, под корнями деревьев. Они старше Лешего. Старше Водяного. Возможно, старше самой Нави. Их никто не призывал. Они просто были. И они спали. Но теперь, когда люди начали вбивать сваи в землю, они могут проснуться.

— И что тогда?

— Тогда, — Банник повернулся к Глебу, и в его глазах-поддувалах не было ни грамма улыбки, — тогда тебе придётся как-то говорить с ними. А они не знают слов. Они знают только силу.

В печи вспыхнули камни. Пар заклубился под потолком. Глеб смотрел на Банника и понимал: урок только начинается.

Банник помолчал, глядя на камни в печи. Потом поднялся и повернулся к Глебу.

— Хватит сидеть, — произнёс он. — Ты пришёл учиться — будем учиться. Но не так, как раньше. Не разговорами на лавке. Ты — второй Хранитель. Ты должен узнать баню изнутри. Не как гость, а как хозяин.

Глеб насторожился.

— Что ты предлагаешь?

— Попариться, — Банник усмехнулся, и в его глазах-поддувалах мелькнул огонёк. — По-настоящему. Как в старые добрые времена. Как парились те, кто знал в этом толк. Я сто лет никого не парил. А тут такой случай — ученик, друг, второй Хранитель. Грех такое упускать.

— Ты серьёзно?

— Абсолютно. Раздевайся. Веник я уже замочил. Камни сейчас поддам — сам увидишь, что такое настоящий, правильный пар.

Глеб колебался лишь мгновение. Потом снял плащ, рубаху, сапоги. Остался в исподнем. Банник одобрительно кивнул и плеснул на камни. Пар взвился под потолок — густой, ароматный, пахнувший берёзовыми листьями и чем-то ещё, неуловимым. Мгновенно стало жарко — но не обжигающе, а мягко, обволакивающе.

— Ложись на полоч, — скомандовал Банник. — Дыши ровно. Первый заход — разогрев. Не дёргайся, не ёрзай. Дай пару сделать своё дело. Пар — он как хороший разговор: сперва входит трудно, потом согревает, потом открывает то, что было скрыто. Полежи, послушай. А когда я начну веником работать — тогда и поговорим.

Глеб лёг. Доски полка были горячими, но не обжигали. Он закрыл глаза и действительно почувствовал, как пар проникает в каждую пору, в каждую мышцу, в каждую мысль. Месяц напряжения, месяц беготни между Еловкой, стройкой и Чёрной Баней — всё это начало отступать. Он впервые за долгое время расслабился.

Банник взял веник — берёзовый, свежий, с ещё зелёными листьями — и начал работать. Не бил — оглаживал, прогревал, разгонял пар по телу. Его движения были точны и неторопливы. Чувствовался тысячелетний опыт.

— Первое правило бани, — произнёс он, не прерывая работы. — Никогда не спеши. Пар не любит суеты. Второе правило — слушай тело. Если жжёт — не терпи, выйди, охладись. Третье — уважай Хозяина. Это ты уже знаешь. Но теперь ты — сам Хозяин. И тебе решать, кого пускать, а кого нет.

— Я ещё не чувствую себя Хозяином.

— Почувствуешь. Со временем. А теперь — говори. Ты сказал, что знаешь кое-кого из духов. Кого именно? Рассказывай. Не стесняйся. Здесь все свои.

Глеб усмехнулся про себя. «Все свои» — это он и древний дух, сотканный из пара. Действительно, своя компания.

— Ну, начну с простого, — сказал он. — В Приказе есть классификация. Первый тип — духи-хранители места. Домовые, овинники, банники. С ними проще всего: они привязаны к дому и редко выходят за его пределы. Я сталкивался с овинником под Вологдой в девяносто восьмом. Он подпалил сено у одного купца — купец забыл оставить ему угощение. Пришлось объяснять купцу правила. Купец обиделся, но сено перестало гореть.

— Овинники обидчивы, — кивнул Банник. — Но отходчивы. Если извиниться — прощают. Кто ещё?

— Второй тип — духи-хранители стихий. Леший, Водяной, Полудница. Тут сложнее. Они не привязаны к людям. Они привязаны к месту: к лесу, к реке, к полю. Договориться можно, но цена высока. С Лешим я уже знаком. С Водяным — тоже. Полудница помогала нам в битве, но я так и не понял, что ей нужно на самом деле.

— Полудница хочет одного — чтобы солнце всходило каждый день, — сказал Банник. — Она проста. С ней не нужно договариваться. Ей нужно просто не мешать. Кто ещё?

— Третий тип — духи-скитальцы. Те, что не привязаны ни к месту, ни к стихии. Кикиморы, мавки, навии. С ними сложнее всего. Они непредсказуемы. Я сталкивался с кикиморой в Тверской губернии — она поселилась в доме одного помещика и путала пряжу. Не со зла — просто от скуки. Пришлось договариваться через домового. Домовой её выселил — сказал, что это его территория.

Банник хмыкнул и плеснул ещё воды на камни. Пар стал гуще.

— Кикиморы — народ беспокойный, — согласился он. — Но не опасный. А вот с навьями шутки плохи. Они приходят из Нави, как твари, но у них есть подобие разума. С ними нельзя договориться словами. Только силой. Или хитростью.

— Знаю, — Глеб перевернулся на живот. — Под Архангельском я столкнулся с навьей, которая вселялась в младенцев. Пришлось вызывать бабу-шептуню. Бабка её выкурила, но сама едва не умерла. С тех пор я навий не люблю.

— И правильно делаешь, — Банник прошёлся веником по спине Глеба. — Но хватит о старых духах. Ты пришёл спрашивать о новых. О тех, кого ещё нет в твоей классификации. О тех, кто рождается прямо сейчас — в земле, под рельсами, в паровозах.

— Расскажи. Я слушаю.

Банник отложил веник и сел на соседний полоч. Пар клубился вокруг него, и в этом пару он выглядел почти величественно.

— Новые духи, — начал он, — это не просто духи. Это — будущее. Когда-то, тысячу лет назад, люди поклонялись лесу, реке, солнцу. Потом они научились строить дома — и появились домовые. Научились пахать землю — появились овинники. Научились мыться в бане — появился я. Каждый раз, когда человек создаёт что-то новое, он вкладывает в это часть своей веры. И эта часть оживает. Становится духом. Понимаешь?

— Понимаю. Как Железный дух.

— Да. Но Железный дух — лишь первый из многих. За ним придут другие. Духи дорог. Духи станций. Духи паровозов. Духи телеграфа. Они будут другими. Они не будут знать Пакта. Они не будут знать правил. Они не будут знать, что они — духи. Они будут просто... жить. Расти. Менять мир. И тебе придётся с ними говорить.

— Я готов.

— Не уверен, — Банник посмотрел на Глеба с сомнением. — Ты хорош с теми, кто знает слова. Но новые духи могут не знать слов. Они могут говорить на языке вибрации. На языке пара. На языке тока. Почувствуешь ли ты их?

— Почувствую. Я — Зеркало. Ты сам сказал: я отражаю то, что вижу. Значит, и их отражу.

Банник бросил взгляд на Глеба. Потом кивнул — медленно, уважительно.

— Хорошо. Тогда продолжим.

Он плеснул ещё воды на камни. Пар окутал их с головой, и на несколько минут в бане не было слышно ничего, кроме шипения воды на камнях и размеренных ударов веника. Банник работал мастерски: он не просто хлестал — он словно втирал пар в кожу, заставляя кровь бежать быстрее, а мысли — течь медленнее. Глеб чувствовал, как уходит напряжение, как тяжесть последнего месяца отступает куда-то в сторону, уступая место странному, почти забытому ощущению покоя.

— Есть ещё один тип духов, — произнёс Банник, не прерывая работы. — О них не пишут в книгах. Их нет в классификациях Приказа. Их вообще мало кто видел. Но они существуют.

— Какие? — Глеб приподнял голову.

— Духи-покровители ремёсел, — Банник перевернул веник и прошёлся им по ногам Глеба. — Когда человек занимается одним делом всю жизнь, он вкладывает в него столько души, что эта душа начинает жить сама по себе. Она становится духом, а именно духом ремесла. Ты слышал о таких?

— Слышал, — Глеб задумался. — В Приказе было дело о кузнеце из-под Тулы. Он был потомственным оружейником в седьмом поколении. Когда он умер, его молот продолжал стучать по ночам. Никто не мог понять, в чём дело. Оказалось — дух кузнеца остался в мастерской. Не злой, не добрый — обычный, просто продолжал работать. Мы не стали его трогать. Передали мастерскую сыну, и дух успокоился.

— Вот именно, — Банник кивнул. — Духи ремёсел не опасны. Они могут быть даже полезны. Если с ними подружиться — они всегда помогут, подскажут, научат. Но для этого нужно уважение. Не такое, как к домовым — с хлебом и солью. Другое. Уважение к труду, к мастерству, к делу всей жизни.

— Я запомню, — сказал Глеб.

Банник отложил веник и плеснул на камни ещё воды. Пар взвился с новой силой, но теперь Банник не стал продолжать парить. Он взял с лавки деревянный ковш и зачерпнул холодной воды из кадки.

— Второй заход будет жарче, — произнёс он. — Но перед ним нужно остыть. Встань, выйди наружу, глотни воздуха и возвращайся.

Глеб поднялся, накинул полотенце. Ноги слегка дрожали — то ли от жара, то ли от расслабления. Он вышел из бани, и холодный октябрьский воздух обжёг разгорячённую кожу. Над прудом висел туман. Вера сидела на берегу, закутавшись в плащ, и при свете луны что-то быстро писала в блокноте.

— Вы там как? — спросила она, не поднимая головы.

— Паримся, — ответил Глеб.

— Что, прямо с Банником?

— Ну да. А что?

Вера на секунду перестала писать и подняла на него глаза. В лунном свете её лицо выглядело бледным, но в глазах плясали смешинки.

— Я запишу это в отчёт, — сказала она и снова уткнулась в блокнот. — «Старший следователь Северов принимает банные процедуры под руководством духа первого ранга. Нарушений протокола не выявлено».

Глеб хмыкнул.

— Вы там не замёрзли?

— Замёрзла, — призналась она. — Но у меня есть блокнот, а у вас — баня. Так что мы квиты.

— Я скоро. Ещё один заход — и поедем обратно.

— Не спешите. Я подожду. Я уже привыкла ждать.

Глеб постоял ещё немного, глядя на туман над прудом, и вернулся в баню.

Банник уже поддал пару, и внутри было жарко — гораздо жарче, чем в первый заход. Глеб снова лёг на полок, и веник продолжил свою работу. Теперь Банник парил жёстче, глубже, и каждый удар отзывался во всём теле приятной, ноющей болью.

— Я расскажу тебе о ещё одних духах, — произнёс Банник. — О тех, кто не рождается из людей. О тех, кто был всегда. Их мало. Они стары. Возможно, старше Водяного. Они не выходят к людям. Они спят. Но иногда просыпаются.

— Как те, кого могут разбудить стройкой?

— Да. Это духи земли. Не леса, не воды, не поля — именно земли. Глубинной, древней, той, что под корнями. Леший чувствует деревья. Водяной чувствует реки. Но есть те, кто чувствует саму землю. Камни. Недра. То, что никогда не видело солнца. Они не злые. Но и не добрые. Они — как землетрясение. Как обвал. Как лавина. Они просто есть. И когда онисыпаются — мир меняется.

— Ты с ними говорил?

— Нет, — Банник покачал головой. — Они не говорят словами. Они говорят дрожью. Гулом. Вибрацией. Тот звон, что ты слышал у просеки, — это может быть один из них. А может, и нет. Я не знаю. Я никогда не спускался под землю. Моя стихия — пар, а не глубины земли.

Глеб перевернулся на спину и уставился в потолок, где клубился пар.

— Значит, если это проснулся кто-то из древних — мне придётся спускаться?

— Возможно, — Банник отложил веник и сел на лавку. — Но это будет потом. Сейчас у тебя есть Железный дух, есть комиссия из Петербурга, есть Леший с его новым лесом. Разберись с ними. А о древних подумаем позже.

— Ты всегда говоришь «позже».

— Потому что «позже» — это единственное время, которое у нас есть, — Банник усмехнулся. — Мы с тобой, Северов, будем жить долго. Очень долго. Успеем ещё многое.

Глеб закрыл глаза. Пар окутывал его, и где-то сквозь дрему он слышал, как Банник плещет воду на камни, как шипит пар, как потрескивают дрова в печи. А потом он провалился в короткий, но глубокий сон — первый за много дней.

Проснулся он от того, что Банник легонько тронул его за плечо.

— Вставай, Зеркало. Засиделся. Хватит на сегодня. А то твоя Вера там совсем замёрзнет.

Глеб открыл глаза. Пар в бане стал прозрачнее, и сквозь него он увидел Банника — тот сидел на лавке и держал в руках ковш с холодной водой.

— Я спал?

— Спал. Недолго. Но крепко. Это хорошо. Значит, пар сделал своё дело. Одевайся. И запомни: сегодня я показал тебе два захода — мягкий и жёсткий. В следующий раз покажу третий. Самый важный. Но для него ты должен быть готов не только телом, но и духом.

— Я буду готов.

— Знаю. А теперь иди.

Глеб поднялся. Тело гудело, но это был приятный гул — как после хорошей работы. Он оделся, чувствуя, как одежда приятно холодит разгорячённую кожу. Банник сидел у печи и, как всегда, смотрел на камни — теперь уже спокойно, без напряжения. Урок был окончен.

— Спасибо, — сказал Глеб.

— Не благодари, — ответил Банник. — Это не услуга. Это долг. Ты — мой ученик. Я должен передать тебе всё, что знаю. А ты должен будешь передать это дальше. Когда-нибудь. Кому-нибудь. Таков закон.

— Я запомню.

— Иди уже. Тебя ждут.

Глеб вышел из бани. Холодный октябрьский воздух ударил в лицо, и он на мгновение замер, привыкая к смене температур. Вера всё так же сидела у пруда. Увидев его, она поднялась.

— Ну как? Попарились?

— Попарился, — ответил Глеб. — Банник — мастер. Теперь я знаю, что такое правильный пар.

— Это хорошо, — Вера кивнула. — Я рада, что вы... — Она осеклась. Что-то в её голове щёлкнуло, соединилось. — Подождите. Вы сказали — Банник парил вас? Сам?

— Ну да. А что?

Вера открыла рот, закрыла. Потом снова открыла.

— Глеб... Вы понимаете, что это значит? Для людей? Для всех, кто верит в духов? Банник — это же не просто дух. Это легенда. Ему приносят дары. Его боятся. Его задабривают. А он... он вас парил. Как друга. Как равного. Как... — она замолчала, подбирая слова. — Если кто-то узнает об этом, вы станете...

— Кем? — Глеб приподнял бровь.

— Не знаю, — честно ответила Вера. — Но точно не обычным следователем. Может быть, святым. Может быть, кем-то большим. Человек, которого Банник признал равным. Человек, с которым он поделил свою баню. Вы понимаете, что для здешних крестьян это будет значить больше, чем все ваши звания и регалии вместе взятые?

Глеб помолчал. Потом посмотрел на Чёрную Баню, из трубы которой поднимался пар.

— Я не думал об этом, — сказал он. — Для меня это был просто разговор по душам. И баня. Хорошая баня.

— Вот именно, — Вера покачала головой. — «Просто разговор». «Хорошая баня». Вы даже не осознаёте, да?

— Может, и нет, — Глеб усмехнулся. — Но, может, это и к лучшему. Не хочу становиться святым. Святые долго не живут. А мне ещё нужно разобраться с комиссией, с Железным духом и с голосами в лесу. Так что давайте оставим мою святость на потом.

Вера хотела добавить что-то ещё, но осознание накрыло её, и она замолчала. Они сели на лошадей и поехали обратно в Еловку. Ночь была тихой, звёзды наконец выглянули из-за туч, и Мста блестела в лунном свете, как полоса ртути.

Вера думала о том, что только что узнала. Глеб думал о том, что завтра приезжает комиссия. А где-то далеко, под землёй, на востоке, Железный дух продолжал набирать силы.

Глава 3. Комиссия

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.